

ЕВГЕНИЙ БУЗНИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДОСЬЕ
НИКОЛАЯ
ОСТРОВСКОГО

Евгений Николаевич Бузни

Литературное досье

Николая Островского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28059881

SelfPub; 2017

Аннотация

В книге раскрываются новые неизвестные читателю факты, связанные с написанием романа «Как закалялась сталь». Впервые проводится подробный анализ страниц романа в сопоставлении с письмами Николая Островского родным и близким, подробно исследуется возможность знакомства Николая Островского с комсомольским вожаком Тарасом Костровым, рассматривается версия сотрудничества Николая Островского с писателем Аркадием Гайдаром. Прослеживается труд разбитого болезнями писателя, анализируется биография Николая Островского, которая во многом, оказывается, не совпадает с судьбой героя романа Павки Корчагина.

Содержание

ПОЧЕМУ НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ	5
РОЖДЕНИЕ ПРАВДЫ	16
Роман или автобиография?	17
Письма и главы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

ЕВГ. БУЗНИ

**ЛИТЕРАТУРНОЕ ДОСЬЕ
НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО**

**Москва
2017**

ПОЧЕМУ НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

На выпускном школьном экзамене по литературе на аттестат зрелости я писал сочинение на свободную тему: "Мой любимый литературный герой". И писал я о Павке Корчагине, выведенном в романе Николаем Островским. Я не помню, что бы писал там о самом авторе. И тему избрал не потому, что хотел получить пятёрку в аттестате, которую получил. Нет, просто я действительно любил этот образ.

Кто-то сегодня может сказать, что я был обычным "зашоренным" советской властью учеником. Но, во-первых, хочу сказать, что не вижу ничего плохого в том, что в советское время умели воспитывать молодёжь, которая верила в какие-то идеалы и жила ради осуществления той или иной большой мечты. И очень хорошо, если мечта молодого человека совпадала с идеями, живущими в стране.

Во-вторых, я отнюдь не был бездумным, слепо верившим в коммунистическую идею, юнцом. В нашем десятом "А" классе это было, мне кажется, невозможным, настолько наш ученический коллектив был боевым и разношёрстным по составу. Мой преподаватель литературы Римма Николаевна учила нас аргументировать своё личное отношение к лите-

ратурным персонажам и к самой жизни. Я никогда не писал по принципу "так надо", а отражал собственные мысли.

И любимыми героями у меня были Дубровский Пушкина, Печорин Лермонтова, Рахметов Чернышевского. Я старался казаться независимым в суждениях, сдержанным во внешних проявлениях, не размахивать руками, как, мне думалось, ходил Печорин. Хотелось поспать на гвоздях, испытывая себя, как делал Рахметов. А искусством я хотел обладать тем, что нашёл в строках Есенина из его поэмы "Чёрный человек":

*"В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжёлых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство".*

То есть нравилась сила духа, хотелось воспитать самого себя твёрдым, умеющим управлять своими чувствами и добиваться поставленной перед собой задачи, но не простой какой-нибудь ради удовлетворения собственного тщеславия или удовольствия, а задачи оказания помощи другим людям, задачи служения обществу, в котором живёшь. Вот что было важно. В этом ряду литературных героев немаловажную роль играл убеждённый революционер Павел Корчагин.

В последующей моей жизни мне приходилось не раз доказывать самому себе и другим то, что я никогда не изменял этому направлению, воспитанному во мне литературными образами. Доводилось часто выступать на малых и больших собраниях с резкой критикой, после чего друзья сравнивали меня в шутку то с Лениным, то с Чичериным, а руководство порой снимало с работы. Всяко бывало. Но убеждений я не менял и не меняю.

Судьба бросала меня с должности на должность, носила по разным странам в качестве переводчика и привела, наконец, в Москву, где однажды я предстал перед директором музея Николая Островского Галиной Ивановной Храбровицкой. Человек, до мозга костей пропитанный любовью к Николаю Островскому, в прошлом сама комсомольский работник высокого уровня, кандидат исторических наук, она, кажется, не знает другой темы разговора, как только об Островском и его огромном влиянии на воспитание молодёжи. И эту нашу встречу она начала с того, что повела меня и моего протеже, рекомендовавшего поработать здесь, по музею, восторженно передавая нам биографию знаменитого писателя.

Несколько иначе, точнее вообще скептически, отнеслась к моему желанию работать в музее в должности младшего научного сотрудника заместитель директора по науке Латышева Татьяна Андреевна. Она была уверена, о чём прямо и сказала, что моя работа в музее – это стрельба из пушки по

воробьям, подразумевая, что жалко тратить мой опыт литературной работы на рутинное проведение экскурсий. Ей казалось несомненным, что я очень скоро оставлю музей. Так, в сущности, могло бы и случиться, если бы та же Латышева не показала мне в архивах музея неопубликованные страницы рукописи романа "Как закалялась сталь" и не сообщила в первые же дни о том, что подлинной биографии писателя Островского почти никто достоверно не знает.

А ведь в то время была жива ещё жена Островского Раиса Порфирьевна, друзья его Пётр Новиков и Анатолий Солдатов, первый редактор романа "Как закалялась сталь" Марк Колосов, добровольный секретарь, писавший под диктовку Островского в Мёртвом переулке, Галина Алексеева.

И когда я с головой ушёл в мир двадцатых и тридцатых годов двадцатого века, когда передо мной совершенно неожиданно открылся мир неизведанный, распахнулась неизученная судьба человека, сумевшего пройти через труднейшие испытания физической и духовной ломки человека, нашедшего в себе силы не написать, а продиктовать вслепую свои очень даже зрячие мысли, которые вылились в книгу, тогда я понял, что пришёл в музей, если и случайно, то очень вовремя и не напрасно.

Не смотря на трудное время перемен в восприятии прошлого нашего отечества, коллективу музея Николая Островского того времени удалось подготовить и переиздать в "Молодой гвардии" собрание сочинений Островского, включив

в него не публиковавшиеся ранее письма и страницы романа "Как закалялась сталь". Нам хотелось полнее раскрыть творческий процесс писателя.

Ведь дело как раз не в том, что Островский писал книгу, будучи фактически слепым и неподвижным человеком. Он-то как раз был против оценки его произведения по такому принципу. Мы знаем немало авторов с не менее трудными судьбами, сотворившими чудеса. Прикованным к постели писал Бирюков, слепыми, подобно Асадову, писали поэты свои стихи, известны нам художники, писавшие картины пальцами ног, поскольку рук у них не было, а есть художница без рук и ног, но сумевшая взять кисть в зубы и творить, что бы оставить след, отобразить своё видение жизни. Нельзя не преклоняться перед силой духа этих людей. Это, безусловно, прекрасно.

Но я помню хорошо, что, знакомясь в школьные годы с романом "Как закалялась сталь", меня, как обычно, не интересовала биография писателя. Я любил читать книги непредвзято. Меня в первую очередь интересовало само произведение, какое оно произведёт на читателя впечатление вне критики, вне мнений других людей. Хотя, разумеется, в школе преподаватели раскрывали ученикам сначала эпоху, биографию писателя, а потом уж рассказывали о его произведениях. И это правильно. Тем не менее, читая то или иное творение, рассматривая картины художников, я старался отвлечься от автора, концентрируя своё внимание только на самом

полотне, как отображении жизни.

Книга Николая Островского "Как закалялась сталь" оказала и оказывает сегодня воздействие на миллионы людей по всему миру. Именно его роман. Я убеждён в том, что, если бы он был написан совершенно здоровым человеком, если бы Островский не был в тяжелейших условиях, заставлявших диктовать и не видеть написанное, всё равно роман пролетел бы по всему свету знаменем убеждённости в революционной справедливости, в целесообразности жизни ради человечества, в счастье жить на земле осмысленно с пользой.

Конечно, великое множество людей восхищаются мужеством писателя. Об этом можно судить хотя бы по записям в книге посетителей музея Николая Островского. Вот лишь некоторые из них:

"Приехав в Москву, своей первой целью мы поставили посещение музея Н. Островского. И вот наша экскурсия закончена. Мы восхищены этим мужественным человеком, который действительно прожил жизнь во имя счастья людей. Большое спасибо работникам и создателям музея Николая Алексеевича Островского за предоставленный нам обширный материал и огромное удовольствие в познании нового".

Ученики 10 "А" класса СШ № 139, г. Минск 5 ноября 1988 г.

"Такие мужественные люди, как Н. Островский, должны

быть примером всем нам ещё не одно десятилетие и даже столетие"

Семья Мироновых, г. Загорск, 22 сентября 1988 г.

"Каждый раз, встречаясь с Островским, не устаём поражаться волей, мужеством этого человека.

Неправда, что нынешнее поколение не читает Островского. После посещения музея ещё раз перечитаем это произведение".

От группы г. Унеча Брянской области, 7 октября 1988 г.

"Дорогой Павел! Прекрасный наш Павка Корчагин! Прекрасный наш Николай Алексеевич! Мы любим Вас... Душа Ваша в тревоге..., но не вешайте голову, не смотря ни на что. Мы боролись и погибали за Вас. Мы, довоенное поколение, Вас в обиду не дадим! Мы будем защищать Вас пока живы. И неправда, что в нашей жизни Корчагины и Островские не нужны.

Я считаю Вас, Николай Алексеевич, своим учителем. Я училась у Вас мужеству, перенесла шестнадцать операций и борясь с паразитами".

*От имени всех учителей русского языка и литературы
Капитолина Леонидовна Камышенцева, 22 октября 1988*

Хочу заметить, что особенно последняя процитированная мною запись – это обращение в основном к герою романа Павке Корчагину. Читатели ассоциируют писателя с его героем, но вообще-то знают только роман, любят роман, а потом узнают подробности жизни писателя, придя в музей, а не наоборот. Вот ещё один яркий пример такого плана, когда книга оказывает сильное воздействие на человека, ещё одна запись, взятая из книги посетителей:

"Редко удаётся так просто прийти в хороший музей и одному походить, посмотреть, подумать."

У меня сейчас далеко не всё в порядке. Сегодня я пришёл сюда впервые. Об Островском практически ничего до сегодняшнего дня не знал. Знал, конечно, как автора "Как закалялась сталь", из коротких скупых строк биографии. А сегодня увидел его квартиру, множество фотографий и документов...

Музей оставил у меня глубокое впечатление.

Я обязательно приду сюда ещё раз. Сразу после того важного барьера в своей жизни, который мне предстоит пройти в ближайшие две недели".

Рыченков С., 24 января 1989 г.

Нужно ли что-нибудь добавлять к этому откровению? "Как закалялась сталь" помогает людям жить не только в том

случае, если они заболели физически. Она помогает преодолеть психологические трудности. Важна эта книга и сегодня, когда вместе со справедливой в каких-то вопросах критикой нашего прошлого на людей обрушился и поток лжи, клеветы и просто грязи в адрес всего того, что высоко ценилось поколениями советских людей.

В 2004 году Николаю Алексеевичу Островскому исполнилось сто лет со дня рождения. До начала перестройки, начатой в 1985 году, никому и в голову не могло придти снять из программы школьного обучения произведение Островского "Как закалялась сталь". Сегодня это сделано удивительно бездумными людьми, не понимающими, сколь важна для подрастающего поколения вера в человека, в справедливость, в возможность построения счастливого общества, в котором человек человеку действительно друг, товарищ и брат. Эти ценности сегодня подменены странными лозунгами борьбы за свободу ради наживы, жизнью ради собственного удовольствия, собственного достатка не важно за чей счёт и какими средствами приобретенного.

Все возмущаются ростом преступности, бездуховности, падением нравственности. А ничего удивительного в этом нет. Если из-под здания убрать бетонный фундамент, заменив его песком-плывуном, то и здание расползётся.

Героями Николая Островского были люди, любившие свой народ, преданные его идеалам, потому они были высоко нравственными. Книга Островского написана в славных

традициях русской литературы. Она родилась в нужное время в нужном месте. За рубежом поднялся дикий крик о том, что эта пропагандистская книга плод труда чуть ли не НКВД, специальное изобретение для поднятия духа советского народа. В ответ таким измышлениям я скажу, что, если бы Островского не было, то его действительно надо было бы выдумать, настолько огромной оказалась его роль в воспитании молодёжи. Но кто в состоянии специально выдумать Пушкина, Толстого, Шекспира? Это невозможно, как невозможно было специально создать Островского.

У Герцена есть замечательные слова по этому поводу:

"Природа мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни".

Вот почему я попытался раскрыть тайну рождения романа "Как закалялась сталь" и провести своеобразное литературное исследование, которое называю "Литературное досье Николая Островского".

Хотя в книге даются различные версии, но все они являются ответом критикам, опровергающим авторство Николая Островского: роман "Как закалялась сталь" написан Николаем Островским. Вопрос в том, как всё на самом деле произошло. Об этом моя книга, основанная на материалах архивов музеев Николая Островского, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива Советской армии. Я очень бла-

годарен всем сотрудникам этих архивов, которые с любовью к нашей истории помогали мне в нахождении нужных материалов.

Именно сегодня, когда никто точно не знает, в каком направлении движется наша страна, когда молодёжь мечется в поисках чего-то захватывающего, чего-то интересного, куда можно было бы приложить кипучую энергию юности, очень нужен убеждённый, знающий цель своей жизни герой. Но-вых пока не видно. Поэтому я пишу о Николае Островском, чей пример не может затеряться во времени.

РОЖДЕНИЕ ПРАВДЫ

(Об истоках романа Н.А.Островского “Как закалялась сталь”)

Роман или автобиография?

Лет пятнадцать тому назад во время презентации в Центральном доме литераторов в Москве первого номера альманаха «Тёплый стан», присоединяясь к многочисленным поздравлениям, я обратил внимание присутствующих на то, что наряду со справедливой критикой отдельных отрицательных фактов, имевших место в истории нашей страны, стало звучать немало популистских выступлений, которые перечёркивают вместе с плохим и всё хорошее, что накоплено в анналах культуры нового государства, и пожелал создателям альманаха не забывать обращаться к тому ценному, что осталось нам в наследство от революционной истории, в частности, к жизни и творчеству Николая Островского.

Произнеся имя всем известного писателя, я выдержал паузу, ибо, как и ожидал, услышал в зале откровенный смех нескольких человек.

Да, как это ни странно, популярнейший многие годы роман, выдержавший за пятьдесят пять лет более семисот пятидесяти изданий на семидесяти пяти языках народов нашей страны и всего мира, роман, прошедший в рюкзаках бойцов через окопы Великой отечественной войны и запавший в души миллионов людей, сумевших, благодаря упорству и мужеству Корчагина, справляться со своими бедами, роман, пронёсшийся над миром своей крылатой фразой о смысле

жизни, вдруг при одном упоминании о его авторе стал вызывать у некоторых смех.

Нет, не стоит сейчас обвинять этих некоторых в недопонимании, поскольку не вина их, а беда в том, что в пылу разгоревшихся страстей за раскрытие правды они часто за пламенем споров саму правду-то и не видели. Не знали они, что и Николай Островский отдал свою жизнь писателя и борца за ту же правду, которая в его время уже начинала искажаться по разным причинам. Не Островский виноват в том, что одна треть рукописи его знаменитого романа «Как закалялась сталь» не была опубликована, а письма при печати сокращались или вообще не попадали на страницы посмертных изданий. Через десятилетия издательство «Молодая гвардия» выпустило новое собрание сочинений писателя с полным текстом романа и письмами без купюр, прятавших долгие годы возмущение писателя, его резкую критику негативного, недопустимого, по его мнению, в жизни государственного и партийного аппарата.

Сегодня легко махать кулаками на прошлое и прятаться от сегодняшних событий. Немало читателей думают теперь, что Николай Островский был фанатиком и слепым орудием в руках партийных бюрократов. Что можно сказать на это?

Да, писатель верил в революцию, а его герои отдавали жизни за неё. И это, несомненно, лучше, чем терять жизни в нынешних мафиозных разборках во имя обладания зелёными долларовыми купюрами. Но интересно и то, что, бу-

дучи прикованным к постели болезнью в двадцать два года, а в двадцать четыре потеряв зрение, Островский лучше многих зрячих видел то, что происходило вокруг него и об этом происходящем, пусть не всегда мастерски, но всегда откровенно и честно писал. Свидетельством тому являются не публиковавшиеся ранее письма писателя и страницы романа «Как закалялась сталь», автобиографичность которого до сих пор является предметом споров литературоведов и биографов Николая Островского.

Между тем, вопрос автобиографичности произведения никак не может считаться праздным. Ведь одно дело любить роман, в котором всё от корки до корки выдуманно, и тогда подражать полюбившимся, но выдуманным героям, что характерно детям и мечтательным душам, другое дело увлекаться реальными героями дня Чкаловым, Олегом Кошевым, Степаном Разиным, когда читатель знает, что раз такой человек был на самом деле, то и он имеет возможность стать таким же сильным, стойким, героическим. Вот почему о героях народного эпоса рассказывалось издревле из уст в уста, как о реально существовавших личностях, а в наши дни герои художественных фильмов, телеспектаклей и различных постановок воспринимаются зрителями настолько реальными, что не исполнителям, а их героям пишут письма, к ним обращаются порой с просьбами, как к живым людям. В этом сила реализма настоящего творчества.

Не избежал этой судьбы и роман Островского «Как зака-

лялась сталь». Причиной тому было не только гипнотическое действие на революционно настроенного читателя самого романа, буквально вписавшегося в свою эпоху, но и тот факт, что многое из описанного на страницах книги совпадало со страницами жизни её автора. Во всём мире для тысяч и тысяч инвалидов, страдающих различными недугами, Николай Островский, сумевший преодолеть физическую немощь и слепоту, чтобы писать для людей, всегда будет живым примером для подражания и неизменно ассоциироваться с Павкой Корчагиным, который, пройдя сквозь пламя революционной борьбы, не сломился от наступившей болезни и тоже стал писать, как автор создавший этот замечательный образ.

Тем не менее, вопрос автобиографичности романа остаётся, и причин тому не мало.

Передавая рукопись первой части романа в редакцию журнала «Молодая гвардия», Островский сопровождал её письмом, в котором писал:

«Я попытался облечь в литературную форму действительные факты, зарисовал целую группу товарищей, частью работающих и сейчас, частью погибших.

Главных действующих лиц я знал лично и, показывая их, желал сделать это правдиво, указав все их недостатки и положительные стороны».

И в самом деле, в книге мы встречаем персонажей: Чер-

нокозов, Пузыревский, Жигирева, Берсенева, Родкина, Алексеева – которые имели место в жизни Островского под теми же фамилиями. Встречаем героев с несколько изменёнными, но легко узнаваемыми именами. Например, Тая Кюцам (слово перевертыш), подруга Корчагина – это Рая Мацюк, впоследствии жена писателя – Раиса Порфирьевна Островская, а коммунист Леденёв – это Иннокентий Павлович Феденёв, которого можно смело назвать крёстным отцом романа «Как закалялась сталь», ибо он весьма существенно помог появлению романа на страницах печати.

Дальше в том же письме в редакцию Островский утверждает:

«Я писал исключительно о фактах – это меня связывало. Иногда я попадал в плен к фактам. Написать иначе – значит фантазировать, перестать рассказывать то, что было».

Из этого кажется совершенно очевидным, что роман действительно автобиографичен, тем более что дальше в письме автор подчёркивает:

«Я работал исключительно с желанием дать нашей молодёжи воспоминания, написанные в форме книги, которую я даже не называю ни повестью, ни романом, а просто «Как закалялась сталь».

Многие исследователи творчества Островского так и делали — довольствовались этим письмом писателя и заявляли, что Корчагин и Островский одно лицо. Но ведь были и другие письма писателя, в которых Островский утверждал обратное.

11 апреля 1935 года Островский диктует письмо в редакцию «Литературной газеты», начинающееся с главного:

«Только сегодня я прочёл в «Литературной газете» от 5 апреля статью Бориса Дайреджиева «Дорогой товарищ». И хотя я сейчас тяжело болен — воспаление лёгких, — но я должен взяться за перо и написать ответ на эту статью. Буду краток.

Первое: решительно протестую против отождествления меня — автора романа «Как закалялась сталь» с одним из действующих лиц этого романа — Павлом Корчагиным.

Я написал роман. И задачи критиков показать его недостатки и достоинства, определить, служит ли эта книга делу большевистского воспитания нашей молодёжи».

Через пять дней эту мысль Островский подтверждает и развивает, выступая с творческим отчётом перед членами бюро Сочинского городского комитета партии, говоря следующее:

«В печати нередко появляются статьи, рассматривающие мой роман «Как закалялась сталь» как документ – автобиографический документ, то есть историю жизни Николая Островского. Это, конечно, не совсем верно. Роман – это в первую очередь художественное произведение, и в нём я использовал также и своё право на вымысел. В основу романа положено немало фактического материала. Но назвать эту вещь документом нельзя. Будь это документ, он носил бы другую форму. Это роман, а не биография, скажем, комсомольца Островского».

Вот теперь-то, думается, всё стало ясно, писатель расставил точки над «І», безусловно писатель имел право на вымысел и написал роман. Однако через полтора года в интервью московскому корреспонденту газеты «Ньюс кроникл» ставится последняя точка этой темы. Островский, говоря о своём романе «Как закалялась сталь», заявляет:

«Раньше я решительно протестовал против того, что эта вещь автобиографична, но теперь это бесполезно. В книге дана правда без всяких отклонений. Ведь её писал не писатель. Я до этого не написал ни одной строки. Я не только не был писателем, я не имел никакого отношения к литературе или газетной работе. Книгу писал кочегар, ставший руководящим комсомольским работником. Руководило одно – не сказать неправды».

Стало быть, всё же автобиография? Но тогда как же быть с высказываниями диаметрально противоположными? Где же Островский был прав?

И вот, как это ни парадоксально, правда была во всех словах, но понять её, разобраться во всём оказалось возможным лишь тогда, когда достали на свет из архивов неопубликовавшиеся ранее страницы романа и писем писателя. Сопоставление именно этих страниц писем и книги позволило сделать вывод о том, что Островский действительно писал в книге факты, взятые из жизни, не всегда в той же последовательности и точно так, как они имели место, но всегда убедительно, правдиво, достоверно. Это ещё раз доказывает всем тем, кто с умыслом и без умысла высказывали сомнения в авторстве Островского, что роман написан именно им и по страницам окружавшей его жизни. Роман можно безошибочно назвать автобиографией поколения молодёжи двадцатых годов. И выброшенные некогда из него страницы (не будем осуждать историю) должны были быть обязательно восстановлены, так как в любой жизни, если мы хотим её понять, важна каждая страница. Особенно это необходимо сегодня, в дни, события которых так напоминают далёкие двадцатые годы, о которых писал Островский.

Письма и главы

В восьмой главе второй части романа «Как закалялась сталь» уже серьёзно больной Павел Корчагин пишет письмо своему брату Артёму. Оно начинается так:

«Артём, хочу рассказать о пережитом. Кроме тебя я, кажется, таких писем никому не пишу. Ты меня знаешь и каждое слово поймёшь. Жизнь продолжает меня теснить на фронте борьбы за здоровье.

Получаю удар за ударом. Едва успеваю подняться на ноги после одного, как новый, немилосерднее первого, обрушивается на меня. Самое страшное в том, что я бессилен сопротивляться. Отказалась подчиняться левая рука. Это было тяжело, но вслед за ней изменили ноги, и я, без того еле двигавшийся (в пределах комнаты), сейчас с трудом добираться от кровати к столу. Но ведь это, наверное, ещё не всё. Что принесёт мне завтра — неизвестно».

А в эпистолярном наследии писателя есть реальное письмо брату Николая Островского Дмитрию Алексеевичу, написанное 2 ноября 1926 года, что событийно совпадает с письмом в романе. Реальное письмо брату начинается иначе:

«Дорогой Митя! Сегодня получил твоё письмо. Отвечаю

сейчас же. Дорогой братушка, ты напрасно беспокоишься за меня. У меня, правда, дела дрянь – болен я здорово и всё прочее, но это тебе давно известно, а что я не загнусь ещё пока до лета, это тоже факт. Ну что же, ни черта не напишешь – приходится лежать, такая вышла марка.

Ты, дорогой, знай, что тебе-то я, безусловно, всё пишу, как есть. Будет что-нибудь худое со мной, напишу, не скрою, потому что кому же, как не тебе, всё знать, моему родному братишке».

Совпадение строк книги и реального письма по их сути удивительное, только реальное теплее, душевнее, с большей любовью и менее литературное, то есть не причёсанное («не загнусь», «ни черта»), что вполне естественно. Будущий писатель ещё не знал об этом и не претендовал на публикации. К брату в жизни обращение нежнее – не просто «Артём», как в книге, а «Дорогой Митя!», «Дорогой братушка», «ты напрасно беспокоишься за меня». Но в целом письма по содержанию сначала совпадают. Дальше, правда, идут расхождения. В книге Павка рассказывает брату, что надеется вернуться в строй, пишет, как готовится к этому, читая книги, учась в университете заочно, о связи с молодёжью и росте сознания Таи.

В реальном письме 1926 года всего этого нет, так как в жизни эти моменты пришли к Островскому позднее, но пришли. Через два года он действительно учится заочно в ком-

мунистическом университете, собирает вокруг себя местных коммунистов, соседей и больной, прикованный к постели, уже теряющий зрение, ведёт борьбу с городскими бюрократами и соседями-буржуями, испытывая при этом огромные трудности, о чём и сообщает брату:

«О деишней жизни и работе у меня нехорошее мнение. Обрастают ребята и окружаются разными подхалимами и барахлом. Нет пролетарской непримиримой ненависти к чуждым элементам. Я здесь вошёл по уши в борьбу. И силы мои тают, и очень мне обидно, что лежу и сам не могу работать. Много, родной братушка, работы, ещё много борьбы, и надо крепче держать знамя Ленина.

В партии замечен кое-где правый уклон, т.к. кое-какие партчиновники хотят сдать заветы Ильича и развинтить гайки. Нам, рабочим-коммунистам, надо бороться беспощадно с этим. Всем тем, кто за уступки буржуазии, дать по зубам. Надо также встряхнуть тех, кто уж очень забюрократился и стал гадом. Партия зовёт нас на борьбу, и мы должны освободиться от ненужного хлама, а здесь его до чёрта».

Это строки письма, написанного 2 ноября 1928 года, но как удивительно они напоминают нам недавние наши дни и одновременно горячее выступление молодых коммунистов на киевской конференции, описанной Островским в пятой

главе второй части романа «Как закалялась сталь».

В опубликованном варианте речь Дубавы вообще отсутствует, а речь Панкратова дана сокращённо. Но это очень интересно сопоставить предложенные Островским речи оппозиционера Дубавы и молодого коммуниста Панкратова. Сначала выступил Дубава.

"– Я буду краток. За эти десять дней говорено немало.

Вам известен документ «сорока шести». В нём товарищи Троцкий и целый ряд виднейших работников партии резко осудили Цека за его политику в промышленности. Мы требуем максимальной концентрации промышленности – это раз. Затем считаем, что финансовая реформа, вводимый монопольный червонец, приведёт нас к кризису. Вместо того чтобы нажать на мелкобуржуазную стихию – крестьянство – и выжать у него со всей энергией диктатуры пролетариата имеющиеся у него средства, Цека восстал против предложенного повышения цен на промышленные товары. Правда, в стране налицо определенная крестьянская забастовка – отказ от покупки промышленных товаров.

Оппозиция предлагала подавить эту забастовку интервенцией продуктов широкого потребления, то есть ввезти это всё из-за границы. Цека отказался нажимать на крестьянство, пугая нас разрывом союза с этим, так сказать, ненадёжным союзником. А мы считаем, что надо жать из этой стихии всё до последней капли и вложить эти сред-

ства в нашу социалистическую промышленность. История нас оправдает.

Дальше, наше разногласие по внутривнутрипартийным вопросам. Тут Лагутина читала стенограмму части моей речи, но я повторяюсь.

Почему партийный аппарат громит Троцкого? Потому что Троцкий ведёт борьбу против партийного бюрократизма. За Троцкого вся вузовская молодёжь, и его слова «молодёжь – важнейший барометр партии» – истина.

Да, товарищи, Троцкий – человек, на которого мы можем опереться. Это вождь Октябрьской революции. Он не струсил перед восстанием, как Зиновьев и Каменев. Он в восемнадцатом году, во время Бреста, не раскалывал единства партии, как товарищ Бухарин, который даже, говорят, собирався арестовывать Ленина, и других за мир с немцами. Он в девятьсот третьем году был первым большевиком. Троцкий привёл Красную Армию к победе. Это с Лениным самый знаменитый революционер в мире. Конечно, если бы Троцкого не зажимал Цека, то мы давно уже бы нажали на мировую контрреволюцию. Для того чтобы мы достигли настоящей демократии в партии, надо дать право высказываться всем группам и течениям, а не только большинству.

Партийный аппарат стал нашим несчастьем, а то, что в руководстве только старая гвардия, грозит опасностью перерождения. Троцкий правильно указывал на Каутского и Пауля Лези как на живой пример.

Шум и крики негодования только подхлестнули Дубаву. До сих пор его терпеливо и молча слушали, и только беспокойное движение людских рядов в партере выдавало напряжённое волнение участников конференции.

— Что же, товарищи, власть портит человека. И мы правильно советуем перевести партийных аппаратчиков опять к станкам, особенно главков.

Цветаев с места бросил злорадно:

— Правильно! Пусть мазута понюхают, а то окопались в кабинетах.

На реплику никто не ответил. Ждали, что еще скажет Дубава.

— Мы еще раз заявляем, что политика Цека приведёт страну к гибели, если она будет продолжаться, то мы уже в самое ближайшее время провалимся с финансами и промышленностью, а крестьянин нас dokonчит. Кроме всего этого, Цека и вы, его поддерживающие, ведёте партию к расколу...

В зале словно разорвалась граната. Ураган криков обрушился на Дубаву. Словно удары хлыста по щеке стегнули Дмитрия гневные восклицания:

— Позор!

—

Долой раскольников!

—

Хватит, довольно обливать грязью!

Когда шум улёгся, Дубава закончил свою речь:

— Да, чтобы это сказать, надо быть смелым человеком, я показываю настоящую погоду. Вы, конечно, с нами разделяетесь, но я ничего не боюсь. Ниже токаря меня не сделают. Я на фронте был — не дрейфил, и теперь тоже не запугаете.

Он ударил себя в грудь кулаком и, решив "уходя, хлопнуть дверью", крикнул:

— Да здравствует Троцкий — вождь Октябрьской революции! Долой аппаратчиков и бюрократов!"

А вот как в рукописи ему ответил молодой коммунист Панкратов, тотчас же вышедший к трибуне.

"— Девятый день мы в дискуссионной горячке, ночи напролёт просиживали ячейки, многое мы видали и многое мы слышали. Сейчас в городе подошли мы к концу, это у нас предпоследнее заседание. Я отбрасываю в стороны все мелочи, не в них дело, буду говорить об основном. Вчера мы обсуждали решение Цека по хозяйственным вопросам. Сорок шесть оппозиционеров в сентябре прошлого года отдали в Цека свой знаменитый документ, который стал антипартийным знаменем для всех противоборствующих групп и группировок, от осколков рабочей оппозиции до групп демократического централизма. Всю эту разношёрстную компанию возглавили Троцкий и его сторонники. Дубава, видно,

хорошо изучил этот документ. И что нам сказали троцкисты? Цека и большинство партии ведут страну к гибели, а они посланы спасать её.

Мы девять дней слушали выступления оппозиционеров. Я скажу прямо: они выступали не как соратники, революционные борцы, наши друзья по классу и борьбе, — их выступления были глубоко враждебные, непримиримые, злобные и клеветнические. Да, товарищи, клеветнические! Нас, большевиков, попытались выставить сторонниками палочного режима в партии, людьми, предающими интересы своего класса и революции. Лучший, испытаннейший отряд нашей партии, славную старую большевистскую гвардию, тех, кто выковал, воспитал РКП, тех, кого морила по тюрьмам царская деспотия, тех, кто во главе с товарищем Лениным вёл беспощадную борьбу с мировым меньшевизмом и Троцким, тех попытались выставить как представителей партийного бюрократизма, какую-то особую касту, чем-то вроде «партийных дворян», захвативших власть в партии в свои руки. Кто, как не враг, мог сказать такие слова? Что осталось теперь троцкистам делать? Одно лишь — хватай, круши и руби. Кой-кто из них проговаривается. Об этом писала Юренева. Эта борьба нам показала, что в наших рядах есть люди, готовые в любую минуту взорвать партийное единство, поломать в щепки партийную дисциплину и которые при каждой трудности поднимают бунт и вносят дезорганизацию. Давайте же откроем настоящее

лицо оппозиции.

Разве Цека партии не записывал в своих решениях наличия бюрократизма и излишнего централизма в некоторых организациях? Разве пятого декабря не были внесены решения о рабочей демократии? Были, и Троцкий голосовал за них. В партии каждому большевику предоставлялась возможность высказать свои взгляды и предложения, устраняющие недостатки в нашей работе. Оставалось только обсудить всё в нашей единой партийной семье и общими силами двинуться вперед, преодолевая трудности.

Что же сделал Троцкий? На другой же день после этого решения, за которое он голосовал и был вполне с ним согласен, он через голову Цека обратился к партийным массам со своим возмутительным документом. Сейчас же вслед за этим все, какие только были в партии оппозиционные элементы, повели на Цека бешеную атаку. Вместо здорового обсуждения наших хозяйственных и внутрипартийных недочётов у нас началась внутрипартийная война. Троцкий пытался вооружить молодёжь против старой гвардии. Он хотел разорвать их неразрывное единство. Он и его сторонники пытались оклеветать Цека и старую гвардию. И большинство партии, возмущённое этой небывалой антипартийной вылазкой, дало оппозиции жестокий отпор по всему фронту. Они клеветают, что мы их зажимаем, но кто этому поверит?

У нас в Киеве не меньше сорока агитаторов-троцкистов.

Есть из Москвы, из Харькова целая группа, даже два из Петрограда. Мы им всем даем говорить. Я убеждён, что нет ни одной ячейки, где они не пробовали побрызгать грязью. Ведь Дубаве, Шумскому и ещё нескольким бывшим работникам дали мандаты на районную и городскую конференции, хотя по уставу они не имеют на это права как приезжие. Им дали высказаться полностью, и не наша вина, если их большинство осудило резко и безоговорочно.

Вслушайтесь в их оскорбительную кличку «аппаратчик». Сколько в нём ненависти! Разве партия и её аппарат не одно целое? Они говорят молодёжи: «Вот аппарат – это ваш враг. Бейте его».

На что это похоже? Так могут говорить развинченные анархисты, а не большевики.

Скажите, как бы мы назвали тех, кто натравливал бы молодых красноармейцев против командиров и комиссаров, против штаба, и это всё во время окружения отряда врагами?

Что же, если я сегодня слесарь, то я, по Троцкому, ещё могу считаться «порядочным»? Но если я завтра стану секретарём комитета, то я уже «бюрократ» и «аппаратчик»?

Вы понимаете, к чему приведёт троцкистов такая клевета? Они неизбежно станут врагами пролетарской революции.

Наши комитеты были и будут нашими штабами. Мы посылаем в них лучших большевиков и никому не позволим их

дискредитировать.

Панкратов перевел дух и вытер рукой потный лоб.

— Что означает требование оппозиции свободы группировок, под которым скрыта свобода фракций внутри партии? Это значит превращение нашей партии в дискуссионный клуб. Это значит — сегодня партия примет решение, а завтра какая-нибудь группа потребует его отмены. Опять дискуссия. То есть мы станем бестолочами.

Мы — партия действия. Если приняли решение, то все должны приводить его в жизнь. Иначе быть не может. Иначе мы перестанем быть непоколебимой силой. Большевики на свободу группировок не пойдут.

Еще один момент надо отметить. Кого собрала вокруг себя оппозиция? Значительная часть вузовской молодёжи. Её Троцкий назвал барометром, выставил основой партии в то время, когда у нас каждый ребёнок знает, что основа партии — это старая гвардия и рабочие у станка.

И не чудно ли, товарищи, что среди оппозиционеров такие, например, лица, как Туфта, недавно снятый с работы за бюрократизм, Цветаев, хорошо известный своей «демократией» соломенцам, или Афанасьев, которого губком трижды снимал с работы за его командование и зажим в Подольском райкоме?

Правда, в оппозиции есть рабочие с производства, но ведь факт же, что в борьбе против партии объединились все, кого эта партия была за их методы работы, и какова кар-

тина? Дубава, Шумский ведут за собой введенных ими в заблуждение рабочих.

А на флангах у них выступают вчерашние бюрократы и формалисты, вроде Туфты и ему подобных, яростно выступающих против бюрократизма. Кто им поверит?

Знаменем оппозиции стал Троцкий. Сколько тысяч раз мы слышали уже от них: «Троцкий – вождь Октября». «Это победитель контрреволюции». «Это старейший вождь нашей партии».

Нас заставляют говорить об этом и выяснить раз навсегда роль Троцкого в нашей революции. Не случайно имя товарища Ленина так мало произносится оппозиционерами, когда они говорят об Октябрьском восстании. Нет и Центрального Комитета. Не слышно ни о петроградских большевиках, ни о революционных питерских рабочих, матросах и солдатах. Есть только один человек – Троцкий.

Величайшего вождя мирового пролетариата Ленина и нашу партию оппозиционеры пытаются подменить Троцким, пришедшим к большевикам в девятьсот семнадцатом году. Для чего всё это делается? Да всё для того же—в интересах фракционной борьбы, для привлечения на свою сторону незнакомых с историей нашей партии. Все средства хороши для достижения своих целей.

В гражданской войне у оппозиционеров нет Ленина, нет партии, нет миллионов борцов, героически дравшихся за

власть Советов. Есть только одна фигура – Троцкий. Это тоже не случайно. Но тут мы уже живые участники борьбы, и мы знаем, кто был вождем победы. Побуждал класс, руководимый нашей партией и её вождём Лениным и нашим славным большевистским Центральным Комитетом, побуждали мы, бойцы и командиры Красной Армии. Кровью сынов трудового народа добыта эта великая победа, а не одной личностью. – Голос Панкратова зазвенел на высоких нотах и смолк.

Бурными аплодисментами встретил зал эти слова. Это шла волна прилива, могучая, стремительная, и чудилось, будто тяжесть её размаха заливала берег.

Дубава не раз уже слышал этот шум прилива, он натывался на него все эти дни в ячейках и на районной конференции. Он знал силу этого движения. Не раз его сердце и тело были каплей в этом непреодолимом приливе, когда он шёл со всеми в ногу. Теперь он и кучка его спутников – против течения, и то, с чем было созвучно его сердце, сейчас обрушилось на него и отбрасывало на отмель. Игнат говорил, и каждое его слово Дубава воспринимал болезненно. Ему мучительно хотелось, чтобы так говорил он, Дубава, а не этот днепровский грузчик, крепкий, сколоченный из одного целого, не то, что он, Дубава, раздвоенный, теряющий под ногами почву.

– О большевизме Троцкого до Октября пусть скажут старые большевики. Молодёжь мало знает об этом. Сейчас, когда имя это противопоставили партии, необходимо, что-

бы мы знали всю историю борьбы Троцкого против большевиков, его постоянные перебежки от одного лагеря к другому. Партия должна знать, кто создавал против Ленина и большевиков августовский союз всех меньшевистствующих. Об этом должны быть напечатаны книги. Троцкий становится организатором раскола, и мы должны развенчать эту фигуру и показать её таковой, какова она была и есть на самом деле.

Троцкий неплохо боролся в Октябрьскую революцию, и партия доверила ему ответственные посты. Партия создала ему авторитет. Она выказала ему величайшее доверие. И если этот человек был когда-либо героем, то это было, когда он шёл с нами нога в ногу. Троцкий не был большевиком до Октября, вот почему после революции он загибал кривую и во время Бреста, и в профсоюзной дискуссии, и, наконец, сейчас устроил эту небывалую атаку на партию.

Борьба против оппозиции сплотила наши ряды. Она идейно укрепила молодёжь. В борьбе против мелкобуржуазных течений закалялись большевистская партия и комсомол. Истерические паникеры из оппозиции пророчат нам на завтра полный экономический и политический крах. Завтра нам покажет цену этому пророчеству.

Они требуют послать наших стариков, например, Токарева и товарища Сегала, к станку, а на их место поставить развинченный барометр вроде Дубавы, который борьбу против партии хочет выставить каким-то геройством. Нет,

товарищи, мы на это не пойдём. Старики получают смену, но сменять их будут не те, кто при каждой трудности бешено атакует партию. Мы единство нашей великой партии никому не позволим разрушать. Никогда не расколются старая и молодая гвардии. Это одно целое, как организм человека. В этом единстве – наша сила, наша крепость. Вне-рёд же, товарищи, на борьбу с трудностями, к нашей цели! В непримиримой борьбе с мелкобуржуазными течениями, под знаменем Ленина мы придём к победе!

Панкратов сходил с трибуны, а в парттере поднимались множества и стихийно нарастал торжественный напев пролетарского гимна".

Читаешь эти строки и невольно ловишь себя на мысли о том, что то же самое происходило последние годы в нашей партии, то самое, о чём словами Панкратова предупреждал Островский.

Любопытным примером того, как Островский переносит отдельные факты из жизни на страницы романа, является рассказ об Анне Борхарт. В третьей главе второй части романа мы читаем волнующую историю о том, как Павка Корчагин спасает Анну от бандитов. Из неопубликованной части шестой главы неожиданно узнаём о том, что Анна была женой Дубавы, но уже бросила его. Здесь же узнаём и о причине их разрыва.

Павел Корчагин приезжает в Москву на Шестой съезд

Российского Коммунистического Союза Молодёжи. (Вот, кстати, одно из явных расхождений с биографией писателя – Островский никогда не был делегатом съезда комсомола в Москве). В гостинице Павка неожиданно встречается с Ритой Устинович. Их разговор об Анне Борхарт и Дубаве не попал в книгу, хотя представляет несомненный интерес для читателя.

«Они сели в углу, Рита посмотрела на часы.

– До начала сорок минут, расскажи мне о Дмитрие и Анне, – сказала Рита, немного смущаясь оттого, что Корчагин смотрел на неё не отрываясь.

– Я с ним виделся недавно, пользуясь своим приездом на Всеукраинскую конференцию. С Анной виделся несколько раз, а с Митяем один, и то лучше бы не встречались.

– Почему?

Корчагин молчал, чуть вздрогнула бровь над правым его глазом. Она знала причины этого движения. Это было всегда признаком волнения.

– Расскажи же мне, я ведь ничего не знаю.

– Рита, я не хотел бы сейчас об этом рассказывать, но ты настаиваешь? Подчиняюсь.

При мне произошёл их окончательный разрыв и, по-моему, Анна не могла поступить иначе. У них нагромоздилось столько разногласий, что разрыв явился единственным выходом. Началом разрыва стали их партийные разногласия.

Дубава всё время в оппозиции. В Харькове я узнал об его выступлениях в Киеве, куда он ездил с Шумским.

— Что, разве Михайло троцкист?

— Да, был, но сейчас отошёл. Мы с Жарким с ним долго говорили, он теперь с нами, чего никак нельзя сказать о Митяе. Тот чем дальше в лес, тем больше дров. Но вернёмся к Анне. Она мне передала всё.

Дмитрий погряз в антипартийной борьбе с головой. Анна выслушала немало оскорблений вроде: «Ты серая партийная лошадка, везёшь, куда хозяин прикажет» или ещё похуже. Несколько таких столкновений сделало их чужими. Когда Анна заговорила о разрыве, Дмитрий, видимо, не желая её терять, уверил, что между ними не будет больше недомолвок, и просил не оставлять его, помочь ему пережить кризис. Анна пошла на это, и одно время ей казалось, что всё уладится. Она от него не слыхала больше злобных выпадов. Он отмалчивался в ответ на её пропаганду, и Анна поверила, что он всерьёз пересматривает свои прошлые установки. От Жаркого она узнала, что Дмитрий в комвузе перестал мутить, и в личных отношениях у них наступило перемирие.

И вот недавно Анна почувствовала себя нехорошо на работе. Она становилась матерью. Пришла домой, закрыв дверь, прилегла. У них с Дмитрием смежные комнаты, есть дверь, но по общему уговору заколочена.

Скоро Дубава пришёл к себе с целой группой товарищей,

и она невольно стала свидетельницей совещания организационной троцкистской группы. И Анна наслушалась таких вещей, какие ей и не снились.

Между прочим, к Всеукраинской конференции комсомола они отпечатали нечто вроде декларации, решено было раздать её из-под полы делегатам. Для неё стало ясно – Дмитрий просто сманеврировал. Когда все разошлись, Анна позвала Дмитрия и потребовала объяснить всё происходящее.

В этот день я приехал в Харьков на конференцию и в ЦК встретился с киевлянами. Таля дала мне адрес Анны. Они жили совсем близко, и я решил до обеда заглянуть к ней, так как в женотделе ЦК партии, где она работает инструктором, мы её не застали. Таля и остальные тоже обещали прийти туда. Как видишь, я к ним пришёл как раз в пору. – Корчагин грустно улыбнулся.

Рита слушала его, слегка сдвинув чёрный разлёт бровей, опираясь локтем на обшитый бархатом край ложи. Корчагин молчал. Он смотрел на Риту, вспоминая её, какой она была тогда в Киеве, и, сравнивая её в настоящем, ещё раз признал, что Рита выросла в цветущую здоровьем, привлекательную молодую женщину. На ней уже не было бессменной военной гимнастёрки. Её заменило просто, но изящно сшитое синее платье. Она возвратила его к рассказу лёгким прикосновением пальцев, сжавших его руку.

– Я слушаю, Павел.

Он продолжал, уже не выпуская этих пальцев из своей

руки:

— Анна встретила меня с нескрываемой радостью, Дмитрий — с холодком. Он, оказывается, уже знал о моей борьбе с оппозицией. Встреча вышла странная. Я должен был стать чем-то вроде судьи. Анна мне рассказывала, а Дмитрий ходил по комнате, курил папиросу за папиросой и, видимо, нервничал и злился.

«Видишь, Павлуша, он обманывает не только меня, но и партию. Организовал какие-то подпольные кружки, продолжает свою склочную работу, а мне говорит, что всё покончено. А ведь он в комвузе заявил, что считает постановления конференции правильными. Он называет себя честным, а в то же время занимается наглым обманом. Конечно, между нами нет ничего общего. Я напишу о сегодняшнем в ГубККА», — возмущённо говорила мне Анна. Дмитрий сквозь зубы процедил: «Что ж, иди, доноси. Ты думаешь, мне очень хочется быть членом той партии, в которой даже жёны занимаются шпионажем и подслушиванием».

Это было много даже для Анны, и она крикнула Дмитрию, чтобы он уходил. Когда он вышел, я сказал Анне, что хочу с ним поговорить. Она ответила, что это бесполезно, но я всё же пошёл. Ведь мы с Митяем были когда-то большие друзья. Я думал, что его можно ещё выровнять.

Захожу к нему, он лежит на кровати и сразу же меня предупредил: «Только не агитируй, пожалуйста, надоело мне это до смерти». Но всё же говорить пришлось. Я ста-

рое вспомнил: «Неужели наши прошлые ошибки тебя ничему не научили? Помнишь, — говорю, — Дмитрий, как нас мелкобуржуазная стихия на борьбу против Партии бросила?» Что ж он мне ответил? «Мы с тобой, Павел, тогда рабочими были, не боялись говорить то, что думали, а думали мы не так уж неверно. До Нэпа была настоящая революция, а сейчас какая-то буржуазная. Нэпачи эсиреют, в шелках ходят, а безработица в стране невероятная. Наши советские партийные верхушки тоже онэпачиваются. Жён-буржуек понахватали себе и вся политика направляется к развитию буржуазии. О диктатуре как-то стесняются говорить, с крестьянством либеральничают. Растим кулака, который станет хозяином на селе, и вот, — говорит, — увидите, через пять-шесть лет у нас под шумок прикроют советскую власть, и будет, как во Франции после термидора. Нэпачи станут министрами в новой буржуазной республике, а нам с тобой, если будем гавкать, посворачивают головы. Одним словом, скоро доживёмся до ручки».

Как видишь, Рита, ничего нового Дубава не выдумал. Старые Троцкистские перепевы. Говорили долго. Я понял, что с ним бесполезно спорить. По-моему, Дубава для нас потерян. Из-за него опоздал на заседание делегации. На прощание он меня решил, видимо, «порадовать». Говорит: «Я знаю, Павка, что ты ещё не окостенел и не стал чиновником, который голосует «за» потому, что боится потерять место, но ты из тех, кто кроме красного знамени ничего больше не ви-

дят».

Вечером у Анны были все киевляне, Жаркий и Шумский. Она уже была в ГубККА, и мы признали её поступок совершенно правильным. В Харькове я пробыл восемь дней. Несколько раз виделся с Анной в ЦК. Она поменялась квартирой. От Тали узнал, что Анна сделает аборт. Разлом с Митяем, видимо, бесповоротный. Таля осталась в Харькове на несколько дней помочь в этом.

В день, когда мы уезжали в Москву, Жаркий узнал, что Дубаве парттройка вынесла строгий выговор с предупреждением. Оказывается, комвузовское бюро высказалось за эту предпоследнюю меру. Это спасло Дмитрия от исключения.

В партере становилось тесно, а людской прибой продолжался, кругом всё говорило, смеялось. Этот невиданный приток энергии, которая так кипуча в большевистской юности, жизнерадостной, стремительной, как поток горной реки, принимал в себя великан-театр. Шум нарастал».

Ну, можно ли говорить о слепом фанатизме Островского, который, как мы видим, сам выступает против чиновников, голосующих «за» лишь из-за боязни потерять своё место?

В книге Корчагин не ответил на речь Дубавы. И потому возникает мысль о том, что хоть обличительные слова проносились оппозиционером, но не сам ли Островский был обеспокоен приближавшейся опасностью бюрократизации

партийных рядов и подмены настоящих идейных революционеров скрытыми врагами революции? Не эзоповский ли метод избрал писатель для отражения главных проблем?

Эту мысль подтверждают письма Островского, в которых он высказывал своё мнение по поводу происходивших вокруг событий, о которых узнавал из газет, по радио и от друзей, но сам не мог принимать в них участие.

15 января 1929 года он пишет из Сочи своему учителю жизни и другу по партии А.А.Жигиревой, не раз помогавшей больному молодому человеку, не написавшему еще ни строчки своей будущей книги, морально и практически деньгами. Островский был с нею предельно откровенен во многих вопросах, делясь своими горестями и радостями:

«Арестован ГПУ зав. Коммунхозом пресловутый Бабенко, считавшийся чл. ВКП(б) с 1919 г., член президиума горсовета и РИКа, член райкома и т.д. Он оказался белый контрразведчик, офицер, расстреливал наших товарищей-большевиков. Эта гадина, обманув всех, пролез во все перечисленные посты – это громадный провал, – ведь гад был руководящим работн., член бюро РК и т.д. и т.п. Сочи везёт, как утопленнику. Гад определённо вёл работу на заграницу. Навряд ли, что это случайный белый.

Скоро генеральная чистка. Здесь опять начнёт мести большевистская метла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.